

ПРЕДИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПЛЕМЕН ПРИАМУРЬЯ

В.Г. ШВЕДОВ
ИКАРП ДВО РАН, г. Биробиджан

Историческая политическая география является одним из самых слабо разработанных направлений в комплексе общественно-географических дисциплин. В современных условиях, когда на изломе тысячелетий вопросы междоударственных территориальных перераспределов не сглаживаются, а наоборот - обостряются, такое положение нельзя считать приемлемым.

Особую актуальность исторические политико-географические исследования имеют для России: к ней, используя её кризисное состояние, территориальные претензии выдвигается большинство её соседей. Наиболее остро эта проблема ощущается на периферии страны в том числе в одном из наиболее удалённых её секторов: в бассейне Амура.

Как субъект международной территориальной политики, Россия присутствует здесь уже три с половиной столетия, в течении которых ей не раз приходилось жёстко отстаивать право на это. В качестве её оппонентов на данной территории выступали несколько сторон, которые, впрочем, не менее остро противоборствовали друг с другом. Одной из них являлась туземная составляющая, которая имела в бассейне Амура наиболее протяжённую во времени традицию развития. Лишь относительно недавно она сошла с исторической сцены, т.к. подверглась разрушительной коррозии со стороны некогда покорённого ею же китайского территориально-политического компонента. Можно утверждать, что современная проблематика российско-китайского пограничья в бассейне Амура унаследована ещё с тех времен, когда здешнее коренное население само выступало в качестве вполне реальной и дееспособной политической силы.

Полное рассмотрение вопроса не представляется здесь возможным в силу его обширности. Поэтому ограничимся анализом самой ранней его стадии – догосударственной; сконцентрируем своё внимание на пространственном элементе, который обеспечивал туземной племенной конфедерации высокую степень выживаемости перед лицом вражеских вторжений, - на её внутренней территориально-политической структуре.

Отсчёт выхода племён Амурского бассейна на международную арену следует, по-видимому, начинать с конца III тысячелетия до нашей эры - то есть с того времени, когда их послы стали более или менее регулярно посещать Китай. Благодаря этим контактам теперь известно, что их первообразованный племенной союз носил самоназвание Сушэнь и размещался в бассейне Среднего Амура - Сунгари и Южном Приморье.

Летописные документы и археологические находки позволяют установить, что сушэньское общество уже в

то время отличалось достаточно развитой внутренней территориально-политической структурой. Под этим термином здесь предлагается понимать такую систему дифференциации внутреннего пространства субъекта международной политики, при которой отдельные его элементы выполняют различную функциональную нагрузку при осуществлении долгосрочных доктрин построения внешнеполитических отношений.

Применительно к владениям сушэнь можно выделить такие структурные составляющие, как “центральные” ядра, структурные оси, цитадельные земли, периферию I и II порядков.

В пределах племенного союза Сушэнь можно выделить три “центральных” ядра, которые компактно размещались в Южном Приморье, на равнине Дунбэй и на Малом Хингане. Само собой, что “центральность” этих образований определялась не геометрией, а той ролью, которую они играли в жизни конфедерации.

Археологические данные свидетельствуют, что в пределах Южного Приморья и Дунбэя в конце III - начале II тысячелетий наблюдалась наибольшая для Амурского бассейна плотность заселения. Максимально комфортные (по региональным меркам) природно-климатические условия этих территорий, плодородие их почв, возможность сочетания земледелия с нерестовой путинной и (для Южного Приморья) высокоэффективным морепромыслом создавали самые благоприятные предпосылки для активного воспроизводства в их пределах населенческого потенциала с достаточно высоким уровнем жизненного самообеспечения.

Последнему обстоятельству немало способствовало отсутствие, до поры, серьёзной внешней угрозы: Южно-приморское ядро в то время, видимо, прямого территориального контакта с иноплеменниками вообще не имело; Дунбэйское же соприкасалось лишь со слабо интегрированными обитателями Ляонина. Традиционной угрозы из Центральной Азии пока не существовало: племена этого региона ещё только приступили к одомашниванию лошади, отделённые от сушэньских владений Гоби и Большим Хинганом, опасности собой не представляли.

Южноприморское и Дунбэйское “центральные” ядра являлись местами расселения самых многочисленных и влиятельных сушэньских племён, игравших решающую роль в формировании основ внешней политики всей конфедерации.

Особой спецификой функционального назначения выделялось “центральное” ядро Малого Хингана. Этот горный хребет играл роль общеконфедеративного культурного центра и служил местом ежегодных сборов вож-

дей. Он являлся тем “нервным узлом” политической жизни всего племенного союза, где согласовывались позиции составляющих его отдельных трайбалистических обществ, улаживались трения между ними, принимали окончательную форму важнейшие внешнеполитические решения.

Три “центральных” ядра племенного союза Сушэнь можно рассматривать в качестве основных элементов внутренней структуры этого объединения, обеспечивавших его стабильное и традиционное политическое бытие.

Соединительными каналами между ними служили структурные оси. На местности. Стремясь к идеальной конфигурации - прямой линии, они пролегали по речным долинам Сунгари (между Дунбэем и Малым Хинганом), Мулинхэ - Раздольной (между Малым Хинганом и Южным Приморьем), Тумыньцзяна - Ялуцзяна (между Южным Приморьем и Дунбэем).

Это совпадение отнюдь не случайно. Перечисленные речные долины являлись не только самыми удобными, но и наиболее оптимальными, с точки зрения расстояния, коммуникациями. Обычно они служили трассами, по которым осуществлялись оживленные связи между “центральными”, ядрами, в том числе - и политического порядка. В военное же время вдоль этих осей пролегали зоны наибольшего напряжения: противник всеми силами стремился разорвать их, и тем самым - изолировать друг от друга “центральные” ядра, инициировать в них сепаратистские настроения.

Заключённый между ядрами и осями треугольник на местности представляет собой комплекс невысоких, покрытых лесами гор с покатыми и сильно расчленёнными склонами – хребты Чачгбей, Лаоелин, Фыньшуйган, Ванданьшань и ряд более мелких.

Они отнюдь не являлись непроходимыми и, в принципе, были пригодны для ведения - хотя и в более ограниченных масштабах, чем на равнинах, некоторых видов производящего хозяйства. Однако основным назначением этих земель были чисто милитарные функции.

В пору неудачных военных кампаний эта территория превращалась сушэнями в неприступный бастион. Под его защиту отступали остатки разгромленных войск и мирного населения избиваемого врагом на равнинах. Именно здесь сохранялась наиболее боеспособная и непрерывно действующая часть того реваншистского потенциала, которой позже, после консолидации с составляющими из “центральных” ядер, позволял сушэням переходить в контрнаступление.

Всё это позволяет называть данный сектор племенных владений цитадельными землями.

Обширные равнины Среднего Приамурья можно, в принятом здесь контексте, рассматривать в качестве конфедеративной периферии I порядка. Их природные условия тоже вполне благоприятствовали развитию основных традиционных занятий сушэней - земледелию и нерестовому рыболовству. Однако, данные условия всё же проигрывали в сравнении с Дунбэем и Южным Приморьем. В их пределах наблюдалась гораздо меньшая плотность

населения и не столь высокая производственная активность, как на южных равнинах.

Тем не менее, во время вражеских нашествий, когда главный удар противника нацеливался на поражение “центральных” ядер и структурных осей, периферия I порядка превращалась в основной ареал воспроизводства и населения (в том числе - за счёт переброски сюда излишка беженцев с цитадельных земель), и продовольствия.

Однако, едва только угроза отступала, интерес к периферийной территории со стороны конфедератов падал. Этим, собственно, и объясняется феномен периодического полузабрасывания ими приамурских равнин.

Нижнее Приамурье, Северное и Центральное Приморье в совокупности образовывали периферию II порядка. Эта горная территория с её достаточно суровыми природно-климатическими условиями, в том числе многолетней мерзлотой, была малоинтересна земледельцам-сушэням. В течении длительного времени сюда оттеснялись племена-неудачники, обречённые на занятия узкоспециализированными видами присваивающего хозяйствования, социальный и политический застой. В целом данные земли играли в жизни сушэньской конфедерации очень малую роль: даже в моменты наиболее тяжёлых поражений от внешнего врага её представители предпочитали избегать отступления в их пределы.

Обрисованная внутренняя территориально-политическая структура крупнейшего объединения приамурских племён обеспечивала им высокую степень сопротивляемости внешним вторжениям, откуда бы они не направлялись. Естественным стремлением противника было поразить основные конструктивные элементы - “центральные” ядра и структурные оси. Однако специфика их размещения была такова, что это никак не удавалось сделать сразу, одним ударом: наступление врага неизбежно упиралось в цитадельные земли.

Сразу же после соприкосновения с сушэнями, перед нападающими вставала дилемма: либо продвигаться по их территории, обтекая периметр природной крепости, либо пытаться штурмовать ее, чтобы затем с занятых высот угрожать одновременно всем “центральным” ядрам и структурным осям. Однако оба эти варианта, по зрелому размышлению представлялись весьма рискованными.

Продвигаясь в обход цитадельных земель, враг подвергался с их стороны постоянным и фактически безнаказанным ударам, которые быстро обескровливали его. Следовательно, попытка уничтожения всех трёх “центральных” ядер обходным манёвром была обречена на провал.

Не меньшую сложность представляло лобовое вторжение в цитадельные земли. Горнолесной хаос изобиловал местами для устройства засад и ловушек; его защитники, превосходно зная местные условия, могли совершать глубокие тыловые рейды, скрываться в недоступных укрытиях. Иными словами - враг застревал здесь, платя за каждый наступательный шаг несоизмеримые жертвы.

Как же “работала” внутренняя территориально-политическая структура Земли Сушэнь при внешнем вторже-

нии? Скорее всего, общая схема выглядела следующим образом:

- уцелевшие “центральные” ядра (именно - уцелевшие, так как одно или два из них неминуемо подвергались разгрому из-за близости к внешнему рубежу конфедеративных владений) начинали аккумулировать си, для контрнаступления, а так же - в усиленном режиме вырабатывали меры, обеспечивающие политическое единство племенного союза в пору испытаний;

- уцелевшие структурные оси служили каналами интенсивного обмена информацией, перегруппировки войск и переброски беженцев;

- собранные в цитадельных землях небольшие, но трудно достигаемые для врага силы находились в непрерывном соприкосновении с противником, изматывая и уничтожая его, парализуя попытки развернуть наступление на оставшиеся незатронутыми нашествием “центральные” ядра и структурные оси;

- периферия I порядка принимала в свои пределы массу беженцев и становилась основным ареалом производства дополнительных объёмов продовольствия;

- отдельные, скорее всего деморализованные группы беженцев укрывались в теснинах периферии II порядка. Основная масса племенного массива восприняла их как малодушных раскольников, а то и вовсе изменников. Соответственно, формировалось достаточно негативное отношение к ним. Заметим, не имея возможности вести традиционный земледельческий образ жизни, они быстро деградировали и в хозяйственном, и в организационно-политическом смыслах.

Посмотрим теперь, как вписывается обрисованная здесь схема в реально происходившие события. В середине II тысячелетия конфедерация сушэней подверглась нашествию центрально-азиатских племён дун-ху. Уничтожив Дунбэйское ядро и структурную ось между ним и Малохинганским ядром, они натолкнулись на западную кромку цитадельных земель и исчерпали здесь свой наступательный порыв.

Во II веке сушэньские земли стали также объектом вторжения со стороны древнекорейских племён. Однако, вступив с юго-востока в цитадельные земли, прочно завязли в их сердцевине. Это дало возможность сушэням перераспределить свои силы, усовершенствовать политическую организацию и уже в обновлённом виде в качестве племенных союзов Илоу (первоначально) и Мохэ (впоследствии) разгромить и изгнать захватчиков.

В VI-VII столетиях н.э. мохэские племена выдержали почти столетнее столкновение с огромными по численности армиями Китая, которые не смогли продвинуться далее южного рубежа цитадельных земель. Тем не менее, всё последующее время характеризуется постепенным саморазрушением описанной структуры, которое началось, как это не парадоксально, с попыток её совершенствования и укрепления.

Образовавшееся в конце VII века на базе мохэского племенного союза государство Бохай стремилось в пер-

вую очередь обезопасить от внешних вторжений наиболее важные элементы своей территориально-структурной организации. С этой целью оно вело наступательные войны на юге (против Китая) и юго-западе (против центральноазиатов). Конечным итогом этих кампаний должно было стать создание обширных буферных поясов, которые могли бы послужить пространственным прикрытием.

В результате серии последовавших в VII-VIII веках побед, приамурские аборигены, судя по всему, коренным образом пересмотрели свою внешнеполитическую доктрину. Все последующие события позволяют сделать вывод, что её лейтмотивом становится идея обширных территориальных приобретений на юге за счёт Китая. При этом себя они видели лишь в качестве этноса-повелителя, живущего за счёт эксплуатации поработённых китайцев.

Чётких пространственных ограничителей это устремление не имело: если Бохай к VIII веку овладел лишь Ляонином, то наследовавшие ему державы-приемницы развивали экспансию по восходящей. Империя Цзинь к XII столетию простёрла свой южный рубеж до Янцзы, а Империя Цин к XVI веку - до Индокитая.

Параллельно ослабевало внимание приамурских аборигенов к сохранению и усилению территориально-политической структуры коренных земель, что ранее обеспечивала их непобедимость на протяжении предшествующих тысячелетий. Её деградация стала очевидной уже к X столетию, когда бохайцы не сумели отстоять от нашествий полчищ кочевников-киданей свои цитадельные земли.

В дальнейшем, эта структура функционировала лишь отдельными секторами: в XII веке, когда периферия I порядка послужила местом созревания сил чжурчжэньского племенного союза (предшественник Империи Цзинь), и в XIII-XVI веках, когда цитадельные земли стали основой выживания после монгольского нашествия потомков чжурчжэней - маньчжуров (будущих создателей Империи Цин).

К XVII веку, когда маньчжурские армии огнём и мечем утверждали своё господство на просторах Китая, стало совершенно очевидно, что существовавшая некогда в бассейне Амура трёхядерная внутренняя территориально-политическая структура окончательно канула в прошлое. Необходимость её сохранения заслонила идеей широкой пространственной экспансии на юге.

Появление в середине того же столетия на амурских берегах русских, в корне изменило всю территориально-политическую ситуацию в регионе. Несмотря на то, что маньчжурам после упорной борьбы всё же удалось временно оттеснить Россию к Становому хребту и Забайкалью, вся логика территориального развития заставляла её вновь и вновь возвращаться к вопросу о восстановлении позиций в бассейне Амура. Так, постепенно, в регионе начали обрисовываться предпосылки нового территориально-политического структурирования, основанного уже преимущественно на межгосударственном разграничении по амурскому руслу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990. 351 с.
2. Андреева Ж.В. Приамурье в эпоху первобытно-общинного строя. М.: Наука, 1977. 240 с.
3. Анохин А.А. К проблеме структуризации общественной географии // География в системе наук / Отв. Ред. В.С. Жекулин, С.Б. Лавров. Л.: 1987. С.174-185.
4. Белов М.И. Проблемы изучения историко-географической среды // Известия ВГО, 1976. Т. 108, Вып. 6. С. 512-515.
5. Бунте В. Теоретическая география. М.: Прогресс, 1967. 279 с.
6. Деревянко Е.И. Очерки военного дела племени Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 225 с.
7. Деревянко Е.И. Племена Приамурья. Новосибирск: Наука, 1981. 333с.
8. Жекулин В.С. Историческая география. Предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.
9. История Дальнего Востока СССР. М.: Наука, 1984. 375 с.
10. История Китая с древнейших времен до наших дней. М.: ГВРЛ, 1974. 534 с.
11. Колосов В.А. Политическая география. Проблемы и методы. Л.: Наука, 1988. 190 с.
12. Морган Л.Г. Древнее общество. Л.: ИИНС, 1934. 350 с.
13. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток: ПКИ, 1959. 292 с.
14. У Чуань-Цзюнь и др. Экономическая география китайского Приамурья / У Чуань-Цзюнь, Го Лай-Си, Се Сян-Фан. М.: ГИГЛ, 1960. 350 с.